

Вытерев окровавленную каму белым платком с гербом Учиха, взявшимся буквально из воздуха, Мадара сел в позу сейдза рядом с головой Хаширамы.

— С победой, брат, — в отличии от него, проявившийся рядом с ним Изуна был доволен.

— Это не победа, — не согласился Мадара, встретившись оставшимся глазом с глазами брата.

— А почему ты при жизни не использовал эту технику так? — с интересом спросил Хаширама, присаживаясь напротив, после того как нашарил руками собственную голову и вернул на место. Мадара слегка расслабился, поняв что он не держит зла за такое поражение.

— Возможно по той же причине, по которой ты никогда не выращивал растения с бесцветной и безвкусной ядовитой пылью, способные отправить ничего не подозревающего шиноби на тот свет раньше, чем он поймет что отравлен? — ответил вопросом на вопрос Мадара.

— Ну, а всё-таки? — не отставал Хаширама.

— Это... — не найдя более подходящих слов, Мадара сказал то, что думал, — ... просто было бы не честно, — и замолчал, слегка смутившись.

— Сразу после смерти Изуны ты был не сильно озабочен честью, — вмешался вставший позади брата Тобирама.

— Тогда мне больше всего на свете хотелось убить тебя, — согласился Мадара, — но до тебя я мог добраться только перешагнув через Хашираму. А он мой единственный друг. Даже тогда мне не хотелось убивать его столь убогим образом.

— В этом весь ты, Мадара! Убивать, так почти кого угодно, но только чтобы правильно, честно и красиво! Ха-ха-ха-ха! — оценил ответ Хаширама.

— К слову о красоте, ты заметил, что с каждым разом наши поединки всё короче? — заметил Мадара.

— Ты прав, брат, — подтвердил Изуна. — Причина в отсутствии страха смерти. Со стороны это особенно заметно.

— Звучит правдоподобно, — кивнул Хаширама, почесав шею на месте недавнего сруба. — Твоя последняя атака, Страстные Глазки, была совершенно сумасшедшей. У тебя ведь чакры практически не оставалось? Так и думал. Но при жизни ты так бы всё равно никогда не поступил. Ты вообще был весьма осторожен, особенно как для того, кто любит ощущать вкус крови во время боя, хах! Если бы я был чуть лучше готов к тому, что ты внезапно выкинешь нечто подобное, тебе бы даже это киндзюцу не помогло победить.

— Ну что, тогда ещё разок станцуем? Без этого му*ацкого Izanagi<? — предложил Мадара, возвращая своему телу прежний вид, включая разбросанное ранее метательное оружие, повреждения одежды и ослепший после использования киндзюцу глаз, — Я всё же хочу хоть раз победить тебя в тех же условиях, в которых мы сражались во времена Сенгоку Джидай.

— Только что-то не выходит, да? — холодно заметила Сендзу Мито, в девичестве Узумаки, сжимая руку на плече Хаширамы. — Всю жизнь сражались, теперь и после смерти только этим занимаетесь. Неужели не надоело?

— А тебе какое дело чем мы занимаемся? — недовольно осведомился Мадара.

— А такое, что в Чистом Море можно заниматься чем угодно, но вы только и делаете что дерётесь! Какой смысл в этой свободе, если вы застряли в прошлом, а я вынуждена за вами наблюдать! — последняя фраза явно вырвалась у Мито сама собой.

— За это я тебя и ненавижу, — раздраженно заявил Мадара. — Вместо того, чтобы прямо заявить, что хочешь провести время с мужем, ты несёшь какой-то бред... — Учиха вдруг осёкся и замер.

— Да! Я уже успела соскучиться по Хашираме! С тех пор как ты сдох, я его почти не вижу! Он всё время торчит с тобой! — начала Мито яростно изъяслять свои претензии, но Мадара её грубо перебил.

— Неважно. Похоже мне пора, — заявил он активируя Риннеган.

Переключение с Шарингана на Риннеган ни с чем не сравнимо. Резкое расширение угла обзора, ещё большее увеличение остроты зрения и возможность видеть чакру во всех проявлениях, включая души умерших. И бьющая набатом в голову вера. Вера в собственное всемогущество, с которой почти невозможно бороться, потому как просто не хочется.

Мадара быстро нашёл причину своих ощущений, с грустью признавая, что действительно пришло время уходить. Ему не показалось. Риннеган позволил разглядеть тянущуюся к нему тонкую, достаточно крепкую, чтобы утянуть любую душу, невидимую нить, предлагающую провести его за собой куда-то во вне обители ушедших.

— Тебя действительно воскрешают? — неподдельно изумился, первым поняв что происходит, Хаширама. — Кому понадобился старый, злобный, страшный придурок, хоть он и Рикудо Сеннин?

— Наверное, как я и планировал, продолжение моей воли — Черный Зецу вынудил Обито это сделать, — рассудил Мадара, проигнорировав нелестную оценку своей личности.

— Я думаю, ему всё же стоит помешать, Хаширама, — заявил с той интонацией, с которой

обычно возобновляют старый спор, Тобирама.

— Давайте, — предложил показательно вставший рядом со своим братом Изуна, — Я хочу посмотреть как вы это сделаете.

— Мальчик, ты слишком самоуверен для того, кто не дожил и до двадцати пяти, — холодно заметила почему-то не обрадовавшаяся уходу Мадары Мито.

— При чем тут самоуверенность Изуны? Ты действительно настолько глупа, женщина? Забыла, что в Чистом Мире все равны в своём всемогуществе и неуничтожимости? Да и судя по твоим словам, сказанным только-что, ты должна быть счастлива моему уходу. Так что с тобой не так, женщина? — гневно спросил Мадара.

— Тут действительно все равны, но кое-кто всё же равнее, да, Тобирама? — парировала бывшая Узумаки, намекая на изучаемые ими двоими при жизни духовные практики, полностью проигнорировав прочие вопросы.

— Равнее Мастера Шести Путей? — хмыкнул Мадара и пренебрежительно отвернувшись от Мито обратился к её мужу, — Хватит с меня этой дуры. Хаширама, заткни свою бабу, пока она меня не довела и я её всё же не попробовал окончательно прибить перед уходом.

— Ты так и не отказался от своего плана? — проигнорировав перепалку, серьёзно спросил тот. — Как там он назывался, Глаз Луны? — и вдруг задумался. — Хм, Глаз Луны?

Мадара тяжело вздохнул, предполагая, что сейчас будет. К его лёгкому удивлению, все остальные почти хором поддержали его в этом порыве. И Хаширама не подвёл их ожиданий.

— Пфф! Глаз Луны?! Ах-ха-ха-ха-ха!!! Ничего глупее в жизни не слышал!!! Ты в своём репертуаре, Мадара!!! Ах-ха-ха-ха-ха!!!

Терпеливо подождав, пока Хаширама закончит ржать и успокоится, будущий Спаситель Мира серьёзно ответил:

— Я положил больше сорока лет жизни ради осуществления этого плана. Я много чего сделал ради своей цели. Не хочу, чтобы всё это было бессмысленно.

— Ты же сам признавал, что твой план — дерьмо? — удивился Хаширама. — Говорил, что задумался о нём в тот момент, когда решил выпить с Узумаки... ой, прости Мито! Я хотел сказать, когда ты слегка сошёл с ума, а в самом деле следовать ему, когда уже старческий маразм накрыл тебя особо сильно. Так не лучше ли будет тогда отказаться от него? — предположил Хаширама.

Под косые взгляды Изуны, Тобирамы и сдерживающей смех Мито прокляв самого себя за излишнюю откровенность, Мадара, лишь благодаря свойствам Риннегана сохраняя

невозмутимость, проговорил:

— Именно потому. что мой план — дерьмо, мне и нужно вернуться обратно. Маразм маразмом, но составляя Глаз Луны... Хаширама, хорош уже ржать! Так вот, составляя и реализуя План я превзошёл сам себя. Даже без моего участия запущенный механизм наворотит столько, что мне придётся преждевременно развоплотиться, спасаясь от гнева громадной толпы недовольных мной мертвецов.

— Этот твой ученик, Обито, настолько умен и талантлив что может справиться самостоятельно?
— с интересом спросил Тобирама.

— Хуже, — мрачно ответил Мадара. — Он очень силен и прекрасно замотивирован. Я великолепно промыл ему мозги.

— А ты не боишься, что вы там вдвоём наворотите в два раза больше? — резко став серьёзным, спросил Хаширама. — Ты не забыл, что вернувшиеся обратно в мир живых теряют память о Чистом Мире? Весь твой маразм, что мы на пару с Изуной из тебя вытряхивали несколько месяцев, вернётся обратно. Зная тебя, ты просто продолжишь следовать принятому ранее решению, даже если оно обозначает уничтожение всех разумных существ на земле!

— Значит, ты плохо меня знаешь, — уверенно возразил Мадара. — Вернув себе нормальный рабочий мозг, вместо наполовину ссохшегося — наполовину сгнившего, я смогу понять, что несколько десятков лет всеобщего счастья не стоят конца Истории!

— Допустим, — решив не спорить согласился Хаширама, — но что ты вообще намерен делать?

— Закончу первую часть своего плана и стану джинчурики Десятихвостого, — словно это естественно, уверенно заявил Учиха.

— Чего?! Мы тебя не до конца в порядок привели, Мадара?! Маразм закрался в твою башку вновь и успел пустить корни?! — громко возмутился Хаширама.

Остальные, включая Изуну, тоже... изумились, но отреагировали скромнее.

— А что тебе не нравится, Хаширама?! — начал Мадара распаляясь. — Ты уже пробовал создать мир без войн при помощи только своей людской силы и на добровольных началах! У тебя не получилось! Люди слишком мелочны и слабы, для того чтобы прийти к миру самостоятельно! Даже если ты не просто покажешь им дорогу, но и сам лично соберёшь их и поведёшь впереди, они либо разбегутся, либо потеряются, а собрать всех обратно будет уже не в силах человеческих! Не вышло не только у тебя! Не вышло даже у Хагормо Ооцуцуки! Как и у тысячи тысяч безымянных проповедников, от которых история не оставила даже имён! Теперь попробую я! По другому! Своими методами! Я просто не оставлю людям выбора, кроме мирного пути! — выговорившись, он продолжил спокойнее. — Став джинчурики Десятихвостого я обрету силу Бога и погружу мир в Муген Цукуёми.

— Но...! — попытался возразить Хаширама.

— Я не закончил! — рявкнул Мадара. Убедившись, что больше никто его не перебивает, продолжил. — При помощи Муген Цукуёми, я внушу всем разумным мира запрет на любую форму насилия и прерву технику. Я буду повторять это каждый год, чтобы обновить гендзюцу в головах самых яростных, что наверняка будут ему сопротивляться и накладывать его на новорождённых, чтобы не появлялось больше на свете убийц. Когда я устану от жизни, то найду себе приемника, которому передам свою силу. И да воцарится тогда вечный мир, где люди не будут проливать кровь друг друга из злобы, зависти или страха! И все будут счастливы!

Когда Мадара закончил, некоторое время все потрясенно молчали.

— Бред, — коротко резюмировал Тобирама, на которого страстная речь Мадары почти не подействовала. — Даже если исключить технические детали, где тоже хватает подводных камней, ты не учишься, как именно подействует на людей полный отказ от агрессии. Я изучал вопрос подобных закладок, пытаюсь создать ментальную технику гарантирующую верность Конохе. В самом лучшем случае, шиноби сходили с ума на почве принесения максимальной пользы деревне не считаясь перед этим ни с кем и ни с чем, руководствуясь только собственными убеждениями доведёнными до абсурда. При усложнении внушения: создания свода конкретных правил, что именно и как именно необходимо делать и кому подчиняться, получались либо безынициативные марионетки, либо овощи. Человеческая психика, это не ящик, где аккуратно сложены воля, страх, любовь, ненависть, агрессия, страсть, верность и прочее. Задев одно, ты неизбежно затронешь другое. Где гарантии, что твоё человечество не превратится в безмозглых кукол, не утратит тягу к жизни или вовсе не вымрет?! Ставить эксперименты нужно не на всём мире, а на отдельных подопытных, Мадара!

Пока Хаширама в очередной раз осознавал, что Мадара далеко не самый безжалостный человек в его окружении, сам Мадара со скрипом признал, что в словах Тобирамы, как минимум, есть рациональное зерно.

— Я постараюсь вспомнить твои слова, а сейчас мне пора, — Учиха вдруг осознал, что ритуал не будет продолжаться вечно, а он уже даже с учетом более быстрого течения времени в Чистом Мире успел сильно задержаться. — Наверное нам стоит попрощаться. Если всё пройдет по моему плану, то обратно я вернусь не раньше чем через триста лет. Для вас же пройдет ещё больше. Не стоит вам меня ждать.

— Тогда удачи тебе там! — с улыбкой пожелал Хаширама, от души огрев по спине. — А ждать тебя никто и не собирался. Ты ведь так и не женился, если не забыл.

— Пошёл на*ер, — беззлобно послал его Мадара в ответ, даже не пытаясь разобраться какую глупость на этот раз он имел ввиду.

— Мадара, а ты просил своих миньонов привести тело в порядок перед твоим возвращением?
— неожиданно спросил Изуна. — Если я правильно понял твои объяснения, техника

воскрешения Риннегана приводит тело в тот вид, в котором оно было при жизни. Не значит ли это, что ты вернёшься в мир древним разваливающимся стариком? Ты вообще жить сможешь?

Признаться, Мадара этот вопрос даже не рассматривал, но времени на лишние раздумья действительно не было.

— Если я вернусь через пол часа очень злой, после того как стану первым шиноби, что умудрился дважды умереть от старости, то мы ещё поговорим об этом, — пообещал Мадара.

— Даже не знаю, желать ли тебе тогда удачи, брат! — ухмыльнулся тот.

— Иди ты в след за Хаширамой, — обняв, с улыбкой направил он и его.

А я... — начала было Мито, но Мадара её перебил:

— А ты и так там будешь.

И, не пожелав дальше тянуть резину, отпустил брата и пропал из обители мертвых, позволив утянуть себя Зову.

— Мудак, — холодно констатировала женщина и даже Изуна не стал ей возражать, продолжая ухмыляться.

— Ожидайте большого наплыва новых мертвецов, — мрачно предрёк Тобирама. — Даже странно, что ты так спокоен, Хаширама.

— Хах! Неужели находясь здесь ты не понял главного? — развеселился тот. — Смерть — это далеко не так плохо, как принято считать. Мадара, к слову, мгновенно это осознал, когда увидел Изуну. Вот чего действительно стоит опасаться — так это его первоначального плана уничтожения мира. Но ведь даже Мадара не настолько отмороженный, чтобы находясь в твёрдом уме всех угробить, верно?

<http://tl.rulate.ru/book/31177/673270>